

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 37.013.73(09)

Г. Д. Антонюк

(Национальный университет «Львовская политехника», Львов)

ПОЛИЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XVII–XVIII ст.

В статье прослежено формирование академических традиций в образовательной практике Киево-Могилянской академии. Одной из важных черт академического характера была полилингвистическая направленность, которая выражалась в высоком уровне преподавания древних (латинского и греческого), а также новых европейских языков, что свидетельствовало о новом уровне в развитии образовательной и педагогической культуры восточнославянского региона в период XVII–XVIII ст. Ретроспективный анализ утверждения академических традиций в восточнославянской образовательной практике способствует формированию более адекватного и целостного представления о развитии современных лингво- и социокультурных процессов.

Задачей предлагаемого исследования является прослеживание академических традиций в образовательной практике Киево-Могилянской академии. Академические традиции выражались прежде всего в утверждении независимого характера учебного заведения от светской и церковной власти, осознании необходимости толерантного общения и взаимодействия с представителями «других» культур, а также в полилингвистической направленности, которая проявлялась в высоком уровне преподавания древних (латинского и греческого), а также новых европейских языков, что свидетельствовало о новом уровне в развитии образовательной и педагогической культуры восточнославянского региона в период XVII–XVIII ст.

Возникновение Киево-Могилянской академии было подготовлено предыдущим развитием и организацией школ среднего уровня, где

важным звеном были братские школы. Первым шагом на пути создания Академии была Киевская братская коллегия (1632 г.), образованная на основе объединения школы Киевского богоявленского братства (1615 г.) и Лаврской школы (1631 г.), основанной архимандритом Киево-Печерской лавры Петром Могилей. После объединения этих двух школ образовалось учебное заведение, получившее название Киево-Могилянской коллегии, а с 1701 г. – Киевской академии [1, с. 33–53].

Признание на официальном уровне коллегии высшим учебным заведением означало в то время предоставление самоуправления и разрешение читать курс богословия. Польское правительство не хотело согласиться на подготовку в Академии образованных православных теологов, поскольку это ослабило бы позиции католической церкви. Но борьба за независимый статус этого учебного заведения не прекращалась и тогда, когда Украина подпала под юрисдикцию Российской империи. Первым этапом в стремлении получения Академией независимого статуса были грамоты российского царя от 11 января 1694 года и от 26 сентября 1701 года [2, 3].

Эти юридические документы на официальном уровне признают право заведения как самостоятельного института, настроенного на приобщение ко всему комплексу знаний, владение которыми считалось признаком европейской образованности. В киевской школе, в соответствии с грамотой 1694 г., должны были обучать «радительно, спокойно и свободно», причем «не токмо поэтики и реторики, но и философии и богословия учения, рачения и ведения славенороссийским и еллино-греческим и латинским языком преподавать» [2, с. 490–491].

Не менее существенным было и признание Киевского коллегиума не в статусе местной школы, а как общеевропейского учебного заведения. До «слушания» в школе допускали детей всех сословий из Украины, России и из «иных стран приходящих» [2, с. 490], что было существенным отличием от предыдущей позиции царского правительства, которое еще в 1660 г. прямо требовало, чтобы «из неприятельских городов в те школы (разумелась Киево-братская коллегия) никого не пускать и не учить, чтобы от них смуты и всякого дурна не было» [4, с. 106]. И еще одним существенным пунктом документа от 1694 г. является то, что он декларировал право Киево-братского коллегиума на независимость от местной власти при решении проблем, касающихся внутреннего распорядка и поведения университетской корпорации. Давая оценку факту создания независимой от светской и от церковной власти школы, известный исследователь славянской медиевистики Вилен Горский отмечал, что последовательное стремление

к утверждению независимости реализовывалось не во имя изоляции, отчуждения, противопоставления себя «другому», а во имя толерантности и открытого общения на ниве европейской и национальной культуры [5, с. 30]. На протяжении всей своей истории Киево-Могилянская академия подтверждала открытость к достижениям других культур, что, прежде всего, выражалось в полилингвистической направленности и усиленном изучении старых и новых языков.

Полилингвистическое направление Киево-Могилянской академии соответствовало существующим общественным запросам и академическим традициям западноевропейского образования. Уже в 1620 г. по свидетельству патриарха Феофана, братская школа (1615 г.) являла собой «школу наук еллино-славенскаго и латино-полскаго письма» [4, с. 69]. Особое внимание уделялось изучению латинского языка. Латинский язык была введен с учетом того места, которое он занимал во всех без исключения учебных заведениях Европы, которые поднялись выше элементарного уровня грамотности. Латинский язык давал возможность приобщиться к истокам западноевропейской науки и культуры. В Киевской академии латынь изучали по популярной в Европе грамматике Эммануила Альвара “*Institutiones linguae latinae*”, а с 1763 г. – по пиарской грамматике, напечатанной в Варшаве. Говорить на латинском языке необходимо было везде – в быту, в коллегии, в общении с товарищами. Это правило было записано в пункте 7 академической инструкции “*Leges academicae docentibus et studentibus observandae*” (1734 г.) [6, с. 58]. Как следствие, студенты хорошо знали латинский язык, читали, переводили, составляли ораторские речи, письма. Выпускников приглашали переводчиками в государственные и военные учреждения Украины и России.

Значительное внимание в Академии уделялось изучению греческого языка. Греческий язык давал возможность ознакомления с оригинальными источниками греко-византийской культурной традиции и был необходим в изучении богословской литературы. Курс греческого языка длился три года. Так, в 1738–1739 гг. греческую грамматику преподавал Симон Тодорский; в 1739–1740 гг. он же преподавал синтаксис и просодию под названием “*Institutiones de syllabarum dimensione seu prosodia... graecae poeseos*”, “*Institutiones de dialectis graecae linguae*»; в 1741 г. – “*Elegantiae graecae linguae seu formulae bene et ornate dicendi*”. После С. Тодорского, в 1742–1743 гг. и до 1747 г. курс греческого языка преподавал Варлаам Лящевский; в 1747–1748 г. – Григорий Щербацкий [7, с. 270–272].

В Коллегии, а позже в Академии преподавался также польский язык. Его изучение было продиктовано государственными и культурными

потребностями (польский язык – официальный язык Речи Посполитой). О распространении и значении польского языка в Академии писал польский исследователь Ричард Лужный [8, с. 13]. Ученый подчеркивал осведомленность украинских культурных деятелей (Л. Барановича, Ф. Прокоповича) с польской литературной традицией. Многочисленные примеры из польской поэзии и прозы прослеживаются в курсах поэтики и риторики профессоров КМА. Курсы поэтики и риторики, которые преподавались в КМА, были предметом научного анализа ученых предшествующего и современного временных периодов: Н. Петрова [9, 10], В. Маслюка [11], О. Зелинской [12], О. Цыганок [13].

В начале XVIII века, в связи с усилением интереса к европейской научной и общественно-политической мысли, в Украине растет заинтересованность в изучении новых европейских языков. В соответствии с требованиями времени, Киевская академия по инициативе проректора Рафаила Заборовского с 1738 г. вводит в учебный курс немецкий язык, с 1753 г. – французский (в 1794 г. французский класс был закрыт, возобновлен в 1798 г. [6, с. 74]). В Академии еще во времена Петра Могилы было начато изучение древнееврейского языка [14, с. 73]. Древнееврейский язык был обязательной дисциплиной европейского университетского образования ренессансной и постренессансной эпохи. В соответствии с существующими взглядами для получения образования необходимым было знание трех языков – древнееврейского, греческого, латинского, что давало доступ к культурным ценностям Древнего Востока, Античности, Средневековья.

Большое значение в учебной и образовательной деятельности Академии занимал славянский (церковнославянский) и разговорный украинский язык. Если изучение латинского и греческого языков соответствовало общеевропейской университетской практике, то изучение и научная разработка славянского языка составляют характерную черту КМА как образовательного учреждения.

Полилингвизм – одна из самых выразительных черт, определяющая принадлежность КМА к академической традиции. Ведь многоязычие не только настраивало на общение с другим, но открывало путь к самостоятельному изучению первоисточников европейской культуры и науки, воспитывало способность к самостоятельному критическому мышлению. Значение языков хорошо осознавал Петр Могила, об этом он говорил в своем полемическом трактате «Литос» («Ливось») [15]. На упрек К. Саковича, что Руси нет необходимости изучать латинский язык, а только греческий, славянский и польский, П. Могила отвечал, что знание латинского языка, наряду с греческим, славянским и польским, необходимо в общественной и религиозной

сферах (цит. в оригіналі): “Dla tego tedy, aby u politykami u nie prostakami, tak w rzechach politycznych, iako u w daniu sprawy o artykułach wiary, byli, słysznie im przy Graecczyźnie, Słowiensczyźnie, Polsczyźnie, u po Łacinie umieć. Lepej bowiem z uczonym, niż z prostakiem, tak politice, iako u theologice, diszkurować” [15, с. 376–377].

Изложенный материал, дает возможность подытожить следующее:

Полилингвистическая направленность, которая проявлялась в преподавании учебных курсов на нескольких языках, в изучении старых и новых европейских языков, в научных теоретических разработках, касающихся церковнославянского языка, была одной из существенных академических черт в образовательной практике КМА; многоязычие свидетельствовало о готовности восточнославянской науки и образования к многомерной интеллектуальной рецепции достижений других культур и в этом контексте является ценным историческим достоянием, которое может быть использовано современной социолингвистической и педагогической наукой в условиях глобализации и интеграции.

Список использованной литературы

1. Хижняк, З. І. Києво-Могилянська академія / З. І. Хижняк. – К.: Вища школа, 1981. – 236 с.

2. Жалованная грамота царя Иоанна и Петра Алексеевичей на беспрепятственное преподавание наук в Киево-братском коллегиуме, с назначением ректору и учителям жалованья от казны. 1694 года, 11 января // Памятники, изданные Киевской Комиссией для разбора древних актов. – Т. I–II. Изд-е 2-е. – Т. II. Киев: Тип. имп. ун-та Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. – С. 488–492.

3. Жалованная грамота царя Петра Алексеевича, данная Киевской Академии в подтверждение предыдущей грамоты. 1701 года. 26 сентября // Памятники, изданные Киевской Комиссией для разбора древних актов. – Т. I–II. Изд-е 2-е. – Т. II. Киев: Тип. имп. ун-та Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. – С. 492–497.

4. Тітов, Хв. Стара вища освіта в Київській Україні XVI – поч. XIX в. / Хв. Тітов. – К.: Друкарня Української Академії Наук, 1924. – 433 с.

5. Горський Вілен. Європейська академічна традиція в Києво-Могилянській академії / Вілен Горський // Релігійно-філософська думка в Києво-Могилянській академії: європейський контекст / редкол.: В. С. Горський та ін. – К.: Вид. дім «КМ Академія», 2002. – С. 7–38.

6. Хижняк, З. І. Історія Києво-Могилянської академії / З. І. Хижняк, В. К. Маньківський. – 2-ге вид., доп. і перероб. – К.: Вид. дім «КМ Академія», 2008. – 203 с.

7. Вишнеvский, Д. Киевская Академия в первой половине XVIII столетия (Новые данные, относящиеся к истории этой академии за указанное время) / Д. Вишнеvский. – К.: Тип. И. И. Горбунова, 1903. – 371 с.

8. Luźny, R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatury polska / Ryszard Luźny. – Kraków, 1966. – 170 s.

9. Петров, Н. И. Киевская академия во второй половине XVII в. / Н. И. Петров. – Киев: Тип. г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. – 171 с.

10. Петров, Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее преобразования в 1819 году / Н. И. Петров // Труды Киевской духовной академии. 1866. – Т. 2. – № 7. – С. 305–330; – Т. 3. – № 11. – С. 343–388; № 12. – С. 552–569; 1867. – Т. 1. – № 1. – С. 82–118; 1868. – Т. 1. – № 3. – С. 465–525.

11. Маслюк, В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні / В. П. Маслюк. – К.: Наук. думка, 1983. – 234 с.

12. Зелінська, О. Ю. Українська барокова проповідь: мовний світ і культурні витоки / О. Ю. Зелінська. – Київ: Вид. дім Дмитра Бураго, 2013. – 408 с.

13. Циганок, О. Фунеральне письменство в українських поетиках та риториках XVII–XVIII ст.: теорія та взірці / О. Циганок. – Вінниця: ПП «ТД» Едельвейс і К», 2014. – 361 с.

14. Білодід, І. К. Києво-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов: [монографія] / І. К. Білодід. – К.: Наук. думка, 1979. – 199 с.

15. Могила, П. Ливось (1644 г.) с собственноручными замечаниями к нему Кассияна Саковича / П. Могила // Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волыньском Генерал-Губернаторстве. – Т. IX. – Ч. I. – Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1893. – 445 с.